

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 26 (1807)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья Ю. Полякова «Мельпомена повержена, или Здравствуй, местечковый холуин», опубликованная в газете «Аргументы недели», № 5, 12 февраля 2020 г.

Вологда
февраль 2020

Мельпомена повержена, или Здравствуй, местечковый холуин

Минувший Год театра запомнится окончательным разгромом русского традиционного театра, который всегда воспитывал, просвещал, взывал к совести зрителя, к его чувству справедливости, учил добру. Для мыслящего слоя общества он был своего рода индикатором идентичности. Если ты, сидя в зале, не обливаешься слезами над бедами униженных и оскорблённых, не наливаешься праведным гневом, видя на сцене «над правдою глумящуюся ложь», ты не русский человек. Не по крови, понятно, а по культурному коду. И вот этот театр почти уничтожен. Зачем?

Попробуем разобраться. Видимо, русский театр стал слишком неудобен для той «стабильности», которая предполагает сохранение всех наших социальных перекосов и пропастей. Помните, Остап Бендер собирал деньги на ремонт Провала, чтобы не слишком проваливался? Вот-вот! Боюсь, большинство президентских грантов сегодня уходят именно на «ремонт Провала». В нынешней ситуации куда спокойнее, если театр, литература, кино взывают не к чувству справедливости, а эксплуатируют любопытство человека, по преимуществу нездоровое. Если зритель воспалился, видя, как актриса на сцене демонстрирует групповой орал, власти плевать. Разве что православные активисты возмутятся. А вот от воспалённой гражданской совести бывают волнения. Я против беспорядков, но с ними надо бороться не с помощью блокады совести и постмодернистских штук Суркова, который ушёл, чтобы остаться.

Лицо России

Главное событие Года театра – это, без сомнений, жестокое свержение Татьяны Дорониной, фигуры грандиозной, знаковой для отечественных сцены и кино, для всей нашей культуры. Доронина – лицо России. Она, 30 лет возглавляя МХАТ имени Горького, отбивала, используя свой заслуженный авторитет и даже своё «ленинградство», все атаки на этот бастион русской традиции, выработанной дореволюционным и советским театром. В годы мелкого беснования и местечкового «холуина» (так надо бы назвать профессиональный праздник нашей творческой интеллигенции) Татьяна Васильевна защищала то лучшее, что было получено от отцов-основателей МХОТа (Московского художественного общедоступного театра) и развито уже во МХАТе имени Горького. Если даже «ленинградство» ей не помогло, значит, дело серьёзное. Большая политика!

Напомню, подвижничество Дорониной протекало в обстановке почти тотального и, похоже, санкционированного сверху бойкота. Нет, я не преувеличиваю, а знаю, что говорю. Ни читатели театральных рубрик, ни телезрители даже не подозревали о блестящих премьерах и переаншлагах в огромном зале на Тверском бульваре, построенном в расчёте на проведение людных партийных конференций. Зато любое мановение и чихновение ефремовского, а затем и табаковского МХТ имени Чехова прославлялось в прессе и эфире с каким-то захлёбывающимся гиперболизмом.

Когда я, возглавив «Литературную газету», стал регулярно публиковать рецензии на спектакли МХАТа имени Горького, печатать интервью с Дорониной, многие коллеги по клубу главных редакторов смотрели на меня как на отщепенца. Я сначала недоумевал: чего они не могут простить Татьяне Васильевне? Потом понял: цельности и искреннего патриотизма. Вот бюджетный патриотизм – это пожалуйста, это – сколько угодно. Да и отрешили Доронину от должности как-то по-хамски, страшая то ли перерасходованными, то ли недорасходованными средствами, выделенными министерством. Жуткое, согласитесь, преступление на фоне идеальной финансовой дисциплины в отечественных театрах!

Показательно, что Доронину заменили не кем-нибудь, а полным её антиподом – Эдуардом Бояковым, куратором «Золотой маски» и топ-менеджером «Практики», где мата-перемата со сцены я наслушался столько, сколько не слышал в казарме за всё время срочной службы. Допускаю, что Эдуард Бояков незадолго до назначения на самом деле переродился, как Будда, увидел свет, но под скороспелым своим православием и патриотизмом ходит пока ещё неловко, как лошадь под новым седлом. И, думаю, сбросит при первом удобном случае. Когда я спросил одного очень

большого начальника, зачем вы свергаете Дорони-ну, он, помявшись, ответил: «Новая команда сделает там православно-патриотический «Горький-центр», будут воспитывать молодёжь!» И смутился.

Ему ли не знать, что именно за патриотизм Доронина была подвергнута бойкоту, что во МХАТе, ей-богу, даже репетиции порой начинали с молитвы. Но, увы, сегодня патриотом и православным надо быть в фейсбуке, а не в жизни, на сцене, на службе в творчестве... Там ты можешь быть кем хочешь. Патриотизм и православие, к сожалению, стали чем-то вроде партбилета, без которого не занять хороший пост. А что такое партбилет без веры в коммунизм? Так, картонка... Не оттого ли, в частности, рухнул Советский Союз, что люди с партбилетами не вышли его защитить, хотя ранее дисциплинированно ходили на партийные собрания. Аналогия понятна?

И ещё одна удивительная подробность: сверстникам Дорониной, мастерам её «весовой категории»: Олегу Табакову, Галине Волчек – дали умереть своей смертью при исполнении и во славе, хотя и к ним вопросов было предостаточно, а по одному из них даже суровые уголовные дела брезжили. Но власть учла их заслуги перед Отечеством и горячую любовь народа. Почему же так жестоко обошлись с Дорониной, хотя заслугами перед Отечеством она не уступала своим славным сверстникам, а по части всенародной любви, почти мистической, даже превосходила? Чем она не угодила кремлёвским прагматикам, ибо без их одобрения у нас в Отечестве птицы не поют. А тем, отвечу, что в эпоху политического постмодерна, сознательного размывания границ между плохим и хорошим она упорно пыталась сохранить свой театр как кафедру для нравственной проповеди. Ну не смешно ли взывать со сцены к совести у нас в стране, где министр с тремя гражданствами и пятью виллами в разных концах света считает картофелины в продовольственной корзине пенсионера?!

Можно было сохранить доронинский МХАТ хотя бы как заповедник театральной и нравственной нормы, как творческий коллектив, нацеленный не на новизну любой ценой, а на сбережение традиции? Наверное, можно... Малый-то театр пока ещё не трогают. Пока... Но, думаю, уже обивают пороги администрации президента желающие прописать в Доме Островского транссексуалку Катерину, бросающуюся с кручи из-за того, что горо-

жане не поняли её трансгендерной трагедии. Хочется выйти на Красную площадь и громко спросить: «Дорогие отцы и матери Державы, вы-то своих детей-внуков куда водить будете, когда прикроете последний традиционный театр? На «Золотой ключик», где у Буратино длинный фаллос вместо носа?» Нет ответа...

На мой взгляд, Доронину сделали демонстративной жертвой, дав сообществу сигнал, что традиция, норма, русский реалистический театр, диалог с совестью зрителя теперь не актуальны, они окончательно вытеснены со сцены нафталиновым новаторством, зрелищным дилерством и аномалией, объявленной творческим методом. Если бы с Дорониной обошлись как с её маститыми сверстниками, у кого-то могли остаться иллюзии и надежды на победу здравого смысла. Значит, надо было сделать так, чтобы обольщений ни у кого не осталось. Здравый смысл и политическая целесообразность не всегда ходят рядышком. Для того в своё время и взрывали храмы... Впрочем, в нашем случае в храм вселили местное отделение воинствующих безбожников, перехвативших на время лозунги «Союза Михаила Архангела».

Разумеется, традиционалисты, как всегда, побеждены не в открытом бою, в состязании за любовь народа, симпатии зрителей и полные залы. Нет, их опять одолели с помощью хитрых аппаратных игр, многоходовых интриг и некомпетентности тех, кто принимает решения. Наша власть страшно далека от культуры, ошибочно считая её зрелищным видом спорта, чем-то средним между художественной гимнастикой и кёрлингом. Что же касается нашего зрителя, то он в своём большинстве всегда на стороне традиционалистов. Вам не приходилось наблюдать повальное бегство с премьер в театрах, напоминающих драмкружок при центре реабилитации малолетних токсикоманов? Мне приходилось.

Прикол века

Сколько ни убеждай посетителей Третьяковки, что «Чёрный квадрат» – вершина мировой живописи, а у «Мишек в лесу» и «Девочки с персиками» всегда народу будет больше. Сейчас Третьяковку возглавляет Зельфира Трегулова – явная фанатка Малевича. Когда к столетию «Чёрного квадрата» я написал передовую под названием «Прикол века», она навсегда обиделась на «Литературную газету».

Как-то Трегулова объявила, что в случае пожара вынесет на себе «Квадрат», а не картину «Грачи прилетели». Вопросов нет. Мы живём в свободной стране, что хотим, то и выносим. Ну охладела Зельфира к фигуративной живописи. Бывает. Лично я вынес бы «Троицу» Рублёва. Однако речь о другом. Даже госпоже Трегуловой не приходит в голову отправить в запасники всех передвижников и весь советский реализм, а на их место повесить авангард. В музейном деле ума хватает. А в театральной политике?

Что обычно делает новый худрук, назначенный в результате очередного помрачения чиновного сознания? Ничего ещё толком не поставив, он сразу же начинает убирать с афиши спектакли предшественника, причём самые успешные, любимые зрителями. Это стремление уничтожить следы предшественников превратилось в какую-то манию. А ведь снять спектакль из репертуара – это не отправить полотно в запасник, откуда можно достать и вернуть в экспозицию. Снять – значит уничтожить произведение искусства, утилизировать декорации и костюмы. Ладно, бывают творческие неудачи. Но почему же снимают лучшее? Эти постановки дают кассу! Или у нас не рыночная экономика? Ну если состязание между банкирами на предмет того, кто больше украдёт денег у вкладчиков, считать конкуренцией, тогда, наверное, всё-таки рыночная... В том-то и дело, что касса «внучат Мейерхольда» не интересует. Они по своей генетике «грантоядные». Зритель их тоже не волнует, они творят для немногих понимающих.

Чердак или подвал – это лучшее, что может предложить наше открытое общество «торителям новых путей», которые чаще всего никуда не ведут. Доверять самовыраженцам большие залы – это как добывать нефть с помощью клизмы. Но нефть у нас – кровь экономики. Тут не забалуешь! А театр – тьфу! Зрелище. Отдых. Милое шалопайство. Пусть порезвятся! Главное, чтобы на Болотную сами не выходили и других не подбивали. Стоп! Видимо, тут и собака зарыта. Попробуем её эксгумировать.

На мой взгляд, ещё в 1990-е власть совершила очень серьёзную ошибку, которую упорно воспроизводит по сей день. Однажды в Кремле решили так: либеральную интеллигенцию, страдающую ещё и экспериментальным зудом, надо максимально, чтобы не лезла в большую политику, загрузить полезным трудом по основному месту работы. В

этих целях им отдали в полное владение культурное пространство, за исключением некоторых заповедных анклавов. МХАТ имени Горького оказался в их числе.

Расчёт был прост: задобрим потенциальных бузотёров и займём делом. Но, во-первых, задобрить либералов невозможно, они изначально воспринимали государство Российское как садиста Фредди Крюгера, но с большими кормящими грудями, которые можно и нужно, ненавидя, сосать. Во-вторых, при советской власти в культуре тоже было много либералов и западников, но почти вся их политическая энергия уходила на борьбу с влиятельной партией традиционалистов за место под профессиональным солнцем. Однако, став фактическими монополистами на культурном пространстве, собрав все награды, премии, звания, должности, гранты, бонусы и хорошенько отдохнув на лаврах, либеральная творческая интеллигенция вновь ощутила мощный позыв к большой политике. История с «Гоголь-центром» власть ничему не научила. И решено было создать «Горький-центр». Там обещали лояльную молодёжь воспитывать. Ну-ну...

Почему же так пренебрежительно верхи обошлись с традиционалистами, которые всегда вроде были опорой трона? Ответу. В сознании патриота есть обязательный «блокиратор», табу на борьбу с государственностью, как бы сильно ни обидела патриота текущая власть. А раз так, то зачем на этих людей, закодированных на лояльность, тратить время, силы, а главное – средства? Никуда не денутся. Иногда всё-таки деваются. Странно, что ещё никто не додумался назначить на проспекте Сахарова разрешённый митинг в поддержку ошельмованной Дорониной. Вот уж народу навалит! Возможно, там будет не так много молодых лиц, в основном придут люди с жизненным опытом. Но ведь именно они, а не планшетная молодёжь самые придирчивые и самостоятельные избиратели. Думская партия, которая вступится по-настоящему за Татьяну Васильевну, которая напишет на своих предвыборных знамёнах «Руки прочь от Старшей сестры!», соберёт немало дополнительных голосов.

Но вернёмся к вопросу о борьбе с конкурентами. Я не раз сталкивался с тем, что очередной «золотомасочный гений», десантированный в нормальный театр, первым делом снимает из репер-

туара мои спектакли, даже идущие на аншлагах. Классику тоже – в шею. Не помогают стенания директоров: «Это же школьная программа! Мы с этого кормимся! Караул!» Я уже объяснял: «грантофаги» кормятся в другом месте. Через год-два «гения» с позором выгоняют за непрофессионализм и тайные пороки, которые на руководящем посту имеют особенность превращаться в явные. Но дело сделано. Зритель на ту ерунду, что «гений» после себя оставил, не ходит. Однако восстановить порушенное практически невозможно. Кто знает механику театрального учреждения, понимает, о чём я говорю.

Но с тем, как ведут себя «обновленцы» в отношении оппонентов, в полном формате я столкнулся только после того, как во МХАТ им. Горького был по всем правилам молниеносной спецоперации заброшен Эдуард Бояков. Говорят, сама идея внедрения родилась в гламурно-православных кругах, где каждому новообращённому атеисту, бывшему дзен-буддисту или раскаявшемуся тантрическому эротоману радуются так, как в былые годы старые большевики умилялись классово близкому уголовнику, по складам читающему «Азбуку коммунизма».

Напомню, в МХАТе шли три мои пьесы. Это: «Контрольный выстрел» («Смотрины»), поставленный ещё в 2001 году Станиславом Говорухиным, мелодрама «Как боги...» – режиссёрская работа самой Дорониной, и «Особняк на Рублёвке» («Золото партии») – плод совместных усилий Валентина Клементьева и Михаила Кабанова. Все три вещи пользовались любовью зрителей, собирали залы, случались месяцы, когда мои спектакли играли на круг 5–6 раз, и не потому, что я был на особом положении, а потому что раскупались билеты. Доронина-то в отличие от Боякова как раз думала о самоокупаемости театра и не включала в отчёт про выполнение государственного задания лекции о правильном распределении бытового мусора по четырём контейнерам.

И гормональные либералы

С Эдуардом Бояковым – мы, как говорится, давние идейно-эстетические оппоненты, если не сказать – враги. Много лет я резко полемизировал с ним в печати и на разных круглых столах с острыми углами. Пикантность ситуации заключается в том, что ещё совсем недавно он придерживался абсолютно иных взглядов, типичных для гормональных либералов. Мол, режиссёр имеет право на лю-

бой эксперимент без всяких моральных ограничений. Ни о какой воспитательной функции театра речи вести нельзя в принципе. Зритель в зале допустим, но не обязателен. Власть – враг, абсолютное зло. Патриотизм – последнее прибежище негодяя. Ещё можно найти в Интернете снимок: Эдуард Бояков, сжимая в руках табличку «Индия без Путина», стоит на фоне плаката «Хутин – пуй!».

Я же, извините за прямоту, трижды доверенное лицо Путина, с Бояковым спорил, не соглашался, и будущий прозелит воспринимал меня как воинствующего ретрограда, «зоологического реалиста», правда, при этом не посмотрев ни одного моего спектакля, не прочитав ни одной пьесы. Он был искренне уверен, что аншлаги во МХАТе собираются потому, что Доронина по дружбе вызывает, чтобы заполнить пустые места, бойцов Кантемировской дивизии. Ей-богу, я не шучу, сам слышал от оппонентов. Тут надо сказать, что «золотомасочники» и «новодрамовцы» презируют традиционный театр заочно, не посещая спектаклей. Это принципиальная позиция: точка зрения врага даже не допускается в сознание. А вот мы, лапотники, их смотрим, читаем и знаем, о чём говорим.

Будучи заброшен во МХАТ, Эдуард Бояков, как мне рассказывали, остолбенел, обнаружив, что на доронинские спектакли (включая мои пьесы) ходят не солдатики, чтобы поспать в тепле, а самые настоящие зрители, заплатившие свои кровные денежки. Казалось бы, Бояков, как неопит патриотизма и отеческой веры, должен испытывать пиетет перед нами – «отчизнолюбями с подпольным стажем». А вот и нет. Даже совсем наоборот. Помните про «бюджетный патриотизм»? Мои спектакли стали показывать всё реже и реже, а потом и вовсе сняли из репертуара. Чем успешнее идейно-эстетический враг, тем он опаснее и тем скорее его нужно уничтожить.

Комедию «Особняк на Рублёвке» и мелодраму «Как боги...», поставленную Дорониной и шедшую почти всегда на аншлагах, сняли буквально через несколько дней после того, как я выступил в поддержку Татьяны Васильевны в передаче Андрея Малахова «Прямой эфир» на телеканале «Россия». «Контрольный выстрел» официально убрать с афиши пока не решаются: всё-таки Говорухин – легендарный режиссёр, друг Высоцкого, сподвижник Путина, а спектакль этот как бы живой памятник незабвенному Станиславу Сергеевичу на сцене

академического театра. Но эту постановку просто не показывают уже скоро год. Думаю, втихаря аннулируют. Остались пока в репертуаре мои «36 часов из жизни одинокого мужчины» (ухудшенная Бояковым версия «Грибного царя»), но после этой статьи, не сомневаюсь, и их снимут. Эти парни мыслят военно-полевыми или, если хотите, карательными категориями.

Когда читаешь некоторые материалы о ситуации во МХАТе, особенно интервью, данные на бегу замполитом Боякова (заместителем худрука по литературной части) писателем Захаром Прилепиным, может сложиться впечатление, будто поведение Дорониной, почти год не показывающейся в театре, – это какой-то каприз «королевы в изгнании». Мол, зарплату оставили, машина под окнами, новая команда буквально изнемогает от пиетета перед её президентским статусом. Откуда обида, что за фокусы? Конечно же, это чистое лукавство, недостойное инженера человеческих душ, организовавшего политическую партию «За правду». На самом деле «пришельцы» сознательно повели себя так, чтобы смертельно оскорбить и отвадить гордую, знающую себе цену Доронину от родного театра.

Судите сами: были почти сразу убраны её портреты, якобы в целях поиска более выигрышных мест. Были сняты все афиши спектаклей, поставленных при ней, даже таких знаковых, как «На дне», «Васса», «Мастер и Маргарита», «Отцы и дети», «Пигмалион», «На всякого мудреца довольно простоты»... Остались висеть только афиши «Последнего героя» (провального дебюта Боякова-худрука) и «Супружеской жизни», антрепризы Кончаловского с Юлией Высоцкой и Александром Домогаровым. И Доронина обиделась. А вы бы не обиделись? Хотел бы я посмотреть на добрейшую Ирину Антонову, которая, став президентом, вскоре бы обнаружила, что новый директор Марина Лошак вымела все приметы полувековой антоновской эпохи Музея имени Пушкина. Нонсенс? В отношении Антоновой или покойной Вербицкой – да, нонсенс. А в отношении Дорониной? Допустимо. Почему?

С новым президентом вообще не согласовывались планы развития театра. Дорониной даже не показывали пьесы, принятые к постановке. Так бывает? По-моему, нет. Художественный совет, который должна возглавлять Татьяна Васильевна, так и не собрался. А при Дорониной совет работал, я бывал на его заседаниях. Проходили они довольно бурно, в борьбе мнений и оценок. Иной раз на совете не принимался готовый спектакль, и его мучительно дорабатывали. Таким образом, нежелание Татьяны Васильевны появляться в театре мне件нятно. Не件нятно, как это могли допустить в отношении выдающегося деятеля русской культуры? Как?! Слово «русской», думаю, в нашем случае ключевое.

Вот, собственно, и всё. Остаётся добавить, что совестливые актёры, не предавшие Доронину, попавшие в опалу и уволенные, судятся теперь с некогда родным храмом поверженной Мельпомены. Зрительский актив, организовавшийся по сетевому принципу, пишет в инстанции протесты, готовит митинги и пикеты. Но МХАТ имени Горького без Дорониной на глазах превращается в гипертрофированную «Практику». Грустно. Я писал для этого театра двадцать лет. И вот всё закончилось. Царь Соломон сказал бы по этому поводу что-нибудь мудрое. Но я, увы, не Соломон...

Ходят, впрочем, слухи, что президент Путин, беседуя с новым министром культуры Ольгой Любимовой, настоятельно рекомендовал ей разобратсья в этом эксцессе. Напомню, в начале декабря, после награждения в Кремле, наш гарант почти час беседовал с Дорониной, рассказавшей ему правду о «рейдерском» захвате театра. Если это так, то, увидев, как разрешит ситуацию Любимова, можно будет судить, каким она окажется министром. Если же это просто слухи и такого поручения Путин не давал, значит, у нас в стране за поруганную гордость отечественной культуры уже и заступиться некому. За балующуюся наркотой израильтянку – есть кому, а за Доронину некому...

Прощай, Год театра, мы тебя никогда не забудем!

Юрий Поляков
писатель